

ОТЛУЧЕННЫЕ

Вед. Москва - 2005 - 27 окт. - с. 12/13

Дебют на одесском пляже

Он родился и вырос в Одессе, в семье очень простых и весьма бедных родителей. Любил бабушку-дворничиху, жалел ее и помогал ей подметать одесские дворики и мостовые. У него оказался звонкий голос, и он начал петь на пляже для курортников, наполнявших его кепку мелочью. Говорят, что местное жулье обчищало замороженных его пением курортников, загоравших на пляже, но оно с ним выручкой не делилось – у него был свой заработок.

В семье Валерия была скромная, но хорошая библиотека. Он читал Толстого, Чехова, Аверченко, Гаршина, Короленко... И, возможно, поэтому в его «пляжном» репертуаре не было блатных одесских песен, даже «Мясоедовской улицы», и к нему не прилипали ни интонации обитателей местного базара – «Приво-за», ни специфические обороты одесской речи.

Он пел «Аве Марию», итальянские песни. Учился неважно, но школу окончил. Надо было зарабатывать на жизнь, и он устроился кочегаром на старое судно, приписанное к Одесскому порту – кормильцу многих одесситов из бедных семей. В местное музыкальное училище его не приняли. По весьма понятным причинам Валерий не мог соперничать с детьми партийного и другого начальства, с отпрысками артельщиков и производителей левого коньяка и не менее левого трикотажа. И тогда он принимает решение уехать из теплой Одессы в далекий сибирский город Томск. Там он учится в музучилище, а после его окончания – в Государственной томской филармонии. Сбылась мечта – он стал профессиональным артистом. На молодого, обаятельного и своеобразного певца сразу обратили внимание в музыкальных кругах, его приглашает в свой эстрадный оркестр дирижер и композитор Олег Лундстрем, начавший карьеру в Харбине, повидавший на своем веку немало отличных певцов самых различных жанров – Шаляпина, Вертинского, Изу Кремер, Надежду Плевицкую...

В Москве Ободзинского записывают на радио в самых популярных передачах. Привлекает чарующий голос певца, в котором чудесным

образом слились и яркая тембровая индивидуальность, и отголоски канторского пения, и проникающий в сердце щемящий болевой звук.

Вот и свела судьба нас

Мы познакомились с Валерием Ободзинским в середине шестидесятых в Свердловске, где оба находились на гастролях. Дружелюбный, незаносчивый парень без тени наглости, присущей иным гастролерам, понравился мне демократичностью в общении, веселым нравом. Помню, он похвастался, что у него родилась дочь Анжела, и он купил жене два флакона французских духов – по тем временам довольно дорогих.

...В 1967 году в Сочи в разгар концертного сезона, поздним вечером мы стояли с ним на Курортном проспекте.

– Скажи мне честно, я что-нибудь значу на эстраде или не гожусь никуда, как говорят мне многие коллеги? Ты – из другого жанра и мой друг. Скажи честно!

Ну что же: честно – так честно! А надо сказать, что я уже успел побывать на концерте Валерия в Зеленом театре парка Ривьера.

– Ну и как? – нервно вымолвил он. – Ведь был успех!

– Был, – согласился я. – Но сейчас в Сочи выступает Вадим Мулерман – ученик Утесова, в его песнях есть театрализация, в исполнении, помимо красивого голоса, присутствует артистизм, чувствуется, что с ним работал режиссер. А ты собрал в одну кучу шлягеры, поешь их однообразно, у тебя нет своих песен – лично твоих, Ободзинского, которые отличали бы тебя от других певцов! Тебе нужен режиссер, который поставил бы тебе каждую песню как отдельную новеллу, раскрасил бы твой голос, у тебя даже не отретпированы выходы и поклоны!

Ободзинский задумался, наморщив лоб. Казалось, что он размышляет: стоит ли утруждать себя, есть ли в этом смысл?

Честно говоря, я не предугадывал, что Ободзинский быстро завоеует певческий Олимп. «Эти глаза напротив...» – неслось из радиоприемников, магнитофонов, проигрывателей... Когда я сказал ему об этом, он улыбнулся:

ЗНАМЕНИТЫЕ ГРЕШНИКИ

Он родился в Одессе 24 января 1942 года. Сейчас ему исполнилось бы всего 63 года – разве это возраст, разве срок? Молодежь не знает, но те, кому сегодня за сорок, вряд ли забудут волшебный голос, который в дни нашей юности пел нам про «эти глаза напротив»! А помните фильм «Золото Маккены»? В нашем дубляже тоже его голос, тоже его песня! Наш сегодняшний рассказ о судьбе Валерия Ободзинского. В ней было все – и радости, и горести, и взлеты, и падения. Горестей и падений больше. Потому и ушел так рано. Мы публикуем сегодня воспоминания человека, близко знавшего певца. Того, кто любил Валерия при жизни и кто помнит его после смерти. Давайте и мы вспомним.

ОТ ПЕСНИ

— Знаешь, почему? Мотив один и тот же, а глаза каждый раз разные.

— Смотри не загуляй! — заметил я ему.

— Не загуляю, — уверенно произнес он.

Но вскоре я узнал, что он ушел от жены, о которой с такой нежностью говорил в Свердловске! Ходил слух, что он женится на дочке капитана одесского теплохода «Грузия». Однажды я случайно увидел его, неотразимо красивого, стройного, в белоснежном костюме, похожего на гриновского героя, он стоял на палубе «Грузии», беззаботно счастливый и, казалось, никого не замечал вокруг.

В конце 60-х вышла его первая пластинка тиражом 13 миллионов экземпляров и вскоре стала раритетом. Тогда же в Советский Союз стали приезжать первые эстрадные певцы из-за границы, конечно, из стран народной демократии — Марьянович, Коош, Лаубалова. И все они, слушая, как поет Валерий, были едины во мнении: второго такого сочного и своеобразного голоса в Европе нет!

О шпалах петь не буду!

Потом гастрольная судьба свела меня с Ободзинским лишь однажды — в Братске, на фестивале «Огни магистрали». Мы с ним выступали в одних концертах, виделись часто, но говорили мало. Я видел, что-то раздражало Валерия, злило его. Настроение, словом, было не лучшим.

— Черт возьми, заставляют петь о БАМе! О стройке века! — бросил он мне однажды, выходя из кабинета начальства. — Как можно петь о железнодорожных путях, рельсах, шпалах, каких-то стыках и прочей чепухе? Да еще прославлять их! Как будто бамовцы не люди, а железные истуканы! Разве они не влюбляются и ни о чем не думают, кроме укладки шпал? А живут в нечеловеческих условиях. Видел я эти песни о БАМе — знаешь, где — выгулялся он и направился к сцене.

Положенные ему концерты на том фестивале он отработал полностью, а вот число запланированных выступлений в Москве, в Театре эстрады, ему сократили вдвое.

— У вас в репертуаре нет песен о партии, комсомоле, начисто отсутствует колхозная и военная тематика, — заметило ему московское начальство в Управлении культуры.

— Я расстался с комсомолом, — хмуро ответил Ободзинский. — И не могу быть вечно молодым, вырос из пионерских штанов...

— Ваше право, — отрезало начальство. И дало негласное указание не предоставлять певцу генеральных и престижных концертных площадок.

Его затормозили на телевидении. Однажды председатель Гостелерадио Лапин увидел Ободзинского на телеэкране. «В каждой строчке только точки после буквы «л»...» — нежно и трепетно пел Валерий. «Что за чепуха?! — возмутился Лапин. — Убрать с экрана этого Градского!» Когда Лапину объяснили, что это не Градский, а Ободзинский, то Лапин даже не смутился: «Тем более уберите! Хватит нам Кобзона!»

К этому времени с записей телеконцертов тщательно стирали Вадима Мулермана, о котором распустили слух, что он уезжает в Израиль, а Александру Градскому, в то время безусловно лучшему тенору страны, прямо сказал один телередактор: «Тебе мешает горбинка на носу. Если бы у тебя был нос, как у Льва Лещенко, и ты не пел бы про Высоцкого, то Лещенко был бы ты и не сходил с экрана».

В результате этой кампании в фондах телевидения не осталось ни одной записи Ободзинского, кроме новогоднего «Огонька» 1967 года.

Так он сразу и, по существу, без повода был отлучен от телевидения, радио, Театра эстрады...

Его отлучали от песни. От главного в его жизни.

Но пока еще были концерты... пока еще была.

И сорвался вниз

Не верьте артистам, нежно и искренне целующимся при встрече! Никогда не верьте! Это показный ритуал, за которым порою скрывается неприязнь, а иногда и ненависть друг к другу. Завистников у Ободзинского хватало. Как бы начальство ни третировало певца, но его неповторимый задушевный голос, отличавший его от певцов-ремесленников, не давал последним покоя. Не знаю, кто из них именно появился утром в номере сочинской гостиницы «Кавказ», где остановился Ободзинский, в день ответственного концерта в правительственном санатории «Сочи». Кто-то лично или подосланные им «поклонники» Ободзинского. Они подбили его на выпивку.

Не знаю, какие хвалебные и сладостные тосты произносили в его честь, но уже, увы, не лишенный звездной болезни к вечеру, к началу концерта, певец еле держался на ногах.

И после второй песни упал, прямо на сцене. Что было, то было.

По закону его могли отстранить от работы на три месяца или на то же время понизить ему концертную ставку. Но существовали ли законы для сильных мира сего? Валерия Ободзинского немедленно уволили из Москонцерта. Он поехал в Грозненскую филармонию, куда приезжал и где пел Высоцкий, когда ему вообще запрещали выступления. Но вскоре и в Грозный пришла телеграмма из Москвы об отчислении певца из филармонии.

Непробиваемый железный занавес опустился перед Валерием Ободзинским. Улыбчивый добрый человек с нежной ранимой душой, он не сумел выдержать злой удар судьбы. Композиторы и поэты потеряли к нему всякий интерес, ему перестали звонить эстрадные администраторы, а «поклонники», пившие с ним в Сочи, испарились, как будто их никогда не существовало. Чувство собственного достоинства не позволило ему унижаться перед начальством и обещать петь звонкие песни о светлом будущем, хвалу властям. Он остался Валерием Ободзинским, но у бывших друзей и знакомых получил полупрезрительное прозвище Ободза.

Тогда его можно было, как и в детстве, встретить на улице с метлою в руках, подметавшего дворик. Порою он и ночевал где придется.

Но даже в эти тяжелые времена он хотел оставаться самим собой.

«Я еще поднимусь!» — сказал он тогда своему другу певцу Владимиру Михайлову. И сдержал слово, хотя это, наверное, стоило ему невероятных усилий. По совету Михайлова, с юных лет бредившего песнями Ободзинского, его взял на дальние малоизвестные для начальства гастроли руководитель виа-группы «Кинематограф» Владимир Аксельрод. Поезд на Камчатку как солиста группы. Пять вечеров на выступлениях любимого певца были аншлаги и бурный успех.

Последний концерт состоялся в зале дома культуры Елизово — Камчатском аэропорту. Но счастье оказалось недолгим. Стоило самолету с музыкантами набрать высоту, как Ободзинский снова сорвался в пропасть, где слыл «Ободзой»...

«С него сняты все грехи...»

В начале 90-х годов голос Ободзинского вновь зазвучал по радио: предприимчивые эстрадные администраторы решили заработать на его популярности, которая, как выяснилось, никуда не делась, и у певца появились новые молодые поклонники.

Но одно дело слышать старые, чудом сохранившиеся записи, другое дело — видеть погибшего певца...

Был концерт. На эстраду вышел обрзгший человек. Он открывал рот, но не пел. Звучала «фанера», его пластинка. Несоответствие между видом исполнителя и молодым трепетным голосом было очевидно. Администраторов это мало смутило, а певца повергло в отчаяние. Он сказал: «Терпеть не могу фальши». — «Но зато заработаешь». — «Поздно», — обреченно сказал он и на следующий концерт не пришел.

Валерий Ободзинский умер 26 апреля 1997 года. Во время отпевания в храме священник сказал: «Умереть так, как он, мечтает каждый священнослужитель. Он умер под Палашу. А это значит, что сняты все грехи...»

А потом был концерт, посвященный 60-летию со дня рождения Валерия Ободзинского. Очень многие изъявили желание участвовать в концерте. Пришли и выступали Давид Тухманов, Олег Лундстрем... Но не явился «коллег», которые мешали Ободзинскому при жизни. Они настояли на том, чтобы концерт не транслировали по телевидению, чтобы не участвовал в нем специально приехавший из Америки почтить память друга Вадим Мулерман...

Никакая зависть не может зачеркнуть талант. Испытав счастье и лихо, сопереживая бедам и радостям людей, Валерий Ободзинский пел так, что до сих пор его голос волнует нас.

Можно отлучить человека от песни. Но Песню от человека отлучить нельзя!

Варлен СТРОНГИН